

Стимулирование роста и стадии развития¹

В.М. Полтерович,
(ЦЭМИ РАН и Российская экономическая школа)

В. В. Попов
(Российская экономическая школа и Карлтонский университет)

Аннотация

В работе развивается теория стадий экономического развития. Показано, что в зависимости от стадии использование одних и тех же инструментов и методов экономической политики может стимулировать либо, напротив, тормозить рост. Описывается эволюция промышленной политики и исследуется влияние на рост государственных расходов, тарифного регулирования и накопления валютных резервов. С этой целью проводится качественный анализ экономической политики западных стран на ранних стадиях и методов стимулирования, применявшихся в экономиках Юго-Восточной Азии, а также эконометрические расчеты. Обработка статистических данных о более 100 странах за 25 лет (1975 –1999 гг.) показала, что для достижения успеха тарифная политика, эффективная на стадиях реструктуризации и инициации экспортно-ориентированного роста, должна затем дополняться и постепенно замещаться политикой накопления валютных резервов. На стадии развитого рынка накопление резервов уже не стимулирует рост. Наибольшего эффекта добились те страны, которым удавалось своевременно менять политику. Предлагаемая теория позволяет сформулировать рекомендации для России.

¹ Настоящая работа выполнена в рамках научно-исследовательской программы Российской экономической школы.

1. Постановка проблемы

Рациональная экономическая политика должна зависеть от уровня экономического и социального развития страны. Это утверждение кажется вполне очевидным и даже тривиальным. Тем не менее, вплоть до середины девяностых годов прошедшего века среди международных экспертов по экономическим реформам преобладала точка зрения, согласно которой все развивающиеся страны должны перестраивать свои институты по одним и тем же рецептам. Приватизация, либерализация внешней торговли, дерегулирование рынков капитала, отказ от промышленной политики – вот универсальные лекарства от отсталости, которые в соответствии с Вашингтонским консенсусом были рекомендованы и Латинской Америке, и Восточной Европе, и бывшим республикам Советского Союза, и странам Африканского континента.

Результаты применения этих рецептов выглядят обескураживающими. Подушевой ВВП стран Латинской Америки и Карибского бассейна в 1980-ые годы падал в среднем на 0,8% в год, в течение 90-х рост не превысил 1,5 % годовых. Для Ближнего Востока и Северной Африки картина была еще печальнее: падение с темпом 1% в год в течение восьмидесятых и рост 1% в год в последующее десятилетие. Для 26 стран Восточной Европы и бывших советских республик потери ВВП на душу за 90-е годы составили в среднем 30%.

Горький опыт явно продемонстрировал, что рекомендации Вашингтонского консенсуса нельзя рассматривать как универсальные рецепты (см. детальный анализ в Полтерович, 2005). Приватизация может вести или не вести к реструктуризации и увеличению эффективности в зависимости от состояния рынка труда, социальной политики, наличия внешних инвесторов, и т.п. (Blanchard, 1997; Roland, 2000). Дерегулирование иногда действительно увеличивает инвестиции, но в других случаях способствует бегству капитала и финансовым кризисам (Stiglitz, 2000). Тщательный анализ статистических данных не подтверждает гипотезу о положительном влиянии открытости (либерализации торговли) на экономический рост (Rodriguez and Rodrik, 1999). Неудачи реформ и результаты исследований, показавшие невозможность дать безусловные ответы на ряд центральных вопросов,

породили агностический вывод: верны лишь самые общие принципы реформирования развивающихся экономик, такие как необходимость рыночно-ориентированных стимулов, экономическая стабильность и обеспечение прав собственности; конкретные же рекомендации извлечь из теоретических рассуждений или анализа данных нельзя (Rodrik, 2003).

На наш взгляд, для такого вывода нет оснований. Просто само содержание «правильной» политики меняется с переходом от одной стадии развития к другой. Отсутствие универсальных рецептов означает, что институт или политика, эффективные в развитой стране, не обязательно окажутся таковыми в развивающихся странах (Gershenkron, 1960; Chang, 2002), ибо рациональная стратегия экономического управления является функцией экономических, институциональных и культурных параметров системы. Важнейшая задача теории – выявить, как должна изменяться эта стратегия в процессе экономического роста. В частности, весьма плодотворной представляется гипотеза о том, что снижение тарифов, отказ от накопления валютных резервов, либерализация потоков капитала, дерегулирование финансовых рынков, ослабление государственного контроля и поощрение конкуренции могут приводить к положительным или к отрицательным результатам в зависимости от стадии развития экономики (Polterovich, Popov, 2002; Acemoglu, Aghion, Zilibotti, 2002a, b).

Теория стадий роста – одна из первых концепций теории экономического развития – была предложена У. Ростоу в 1960 г. Для Ростоу переход от одной стадии к другой – объективный процесс, в основе которого лежит заимствование технологий и мобилизация сбережений. Мы полагаем, что на этот процесс существенно влияет выбор экономической политики и стратегия институциональных преобразований. Неверный выбор может на десятилетия, или даже, возможно, на столетия, затормозить экономический рост. Поскольку, благодаря глобализации и, в частности, влиянию международных институтов, принципы реформирования в разных странах сильно коррелируют друг с другом, ошибочные решения приводят к стагнации целых регионов мировой экономики.

Для обоснования гипотезы о связи между экономической политикой и стадиями экономического развития можно использовать несколько подходов. **Во-первых,** -

анализ различий в экономической политике небольшой группы быстро развивающихся стран, с одной стороны, и значительного числа менее успешных экономик, с другой. Следуя этой линии исследований, Родрик заключает, что страны Латинской Америки за десять лет продвинулись гораздо дальше по пути приватизации и либерализации, нежели страны восточноазиатского экономического чуда – за сорок лет (Rodrik, 1995).

Во-вторых, полезный материал дает анализ эволюции экономической политики в развитых странах. В большинстве из них в эпоху индустриализации правительство играло гораздо более широкую и важную роль, нежели сейчас, несмотря на то, что доля государственных расходов в ВВП была гораздо ниже, чем сегодня. Кроме того, его вмешательство в экономику было особенно значительным во время социальных кризисов и сильных экономических шоков. Теория должна объяснить, почему были применены и оказались успешными политика «нового курса» в США времен «великой депрессии» и индикативное планирование в послевоенной Франции, и почему в той же Франции или Новой Зеландии процессы приватизации и дерегулирования заняли так много времени. Х. Чанг на основе систематического исследования показывает, что Запад нередко вынуждает развивающиеся страны проводить экономическую политику, разительно отличающуюся от той, посредством которой сами западные государства добились успеха (Chang, 2002).

В последние два десятилетия развивающиеся страны подвергались сильному давлению со стороны МВФ, ВТО и других международных организаций, требовавших ускорить создание институтов западного образца и следовать западным стандартам экономической политики. Анти-глобалистская литература подвергла сомнению обоснованность подобных требований. Важнейший аргумент состоит в том, что компромисс между различными целями – благосостоянием, образованием, продолжительностью жизни, охраной окружающей среды, правами человека, – избранный западными странами на стадии развитого рынка, отнюдь не всегда приемлем для развивающихся экономик. Например, политика, запрещающая детский труд, может оказаться недостижимой роскошью для стран, где речь идет не о том, послать ли ребенка в школу или на завод, а о том, выживет ли он или умрет с голоду. Предельные издержки ужесточения законодательства по охране

окружающей среды или защите прав человека в развивающейся стране могут быть слишком высоки, ибо соответствующие ресурсы придется изъять из проектов, направленных на социальное обеспечение и здравоохранение.

Ряд авторов подчеркивают, что 100 лет назад в большинстве западных стран не было ни конкурентного рынка, ни законодательства, запрещающего выбросы загрязняющих веществ. Настаивая на принятии западных стандартов и даже угрожая менее развитым странам санкциями за их нарушение, Запад, независимо от своих намерений, подрывает конкурентоспособность своих менее богатых партнеров и консервирует их отсталость. Выдвигаются даже обвинения в двойных стандартах (жесткие правила появились как раз тогда, когда они стали выгодны развитым странам) и «отбрасывании лестницы» (“kicking away the ladder”), по которой Запад взобрался на вершину своего нынешнего благополучия (Chang, 2002).

Целесообразность более сбалансированного подхода к реформам подтверждается анализом трансплантации экономических и политических институтов из одной страны в другую (Berkowitz, Pistor, Richard, 1999; Полтерович 2001). В принципе, трансплантация – важнейший механизм институциональной трансформации, ускоряющий институциональное развитие. Однако, имеются многочисленные примеры неудачных попыток имитировать наиболее передовые институты и методы управления. Опыт переходных экономик дает особенно богатый и впечатляющий набор примеров трансплантационных неудач. В ряде случаев более эффективным оказалось заимствование не современных западных институтов, а таких, которые доминировали в западных странах на ранних стадиях их развития.

Современная теория накопила значительное количество фактов, которые могут быть использованы для выявления связи между экономической политикой и стадиями развития. Привлечение соответствующих теоретических результатов представляет собой еще один, **третий подход** к обоснованию основных тезисов данной работы. Пионерскими в этом отношении являются две недавних статьи (Acemoglu, Aghion, Zilibotti, 2002a,b).

Четвертый подход к обоснованию стадийности экономической политики – чисто эконометрический. Он состоит в отыскании критических точек, линий или

поверхностей в пространстве параметров экономической системы, разделяющих области, где та или иная политика оказывала положительное либо отрицательное влияние на экономический рост. Нужный результат получается, если найденные области можно интерпретировать как последовательные стадии роста.

Мы стараемся опереться на все четыре подхода – рассмотреть как недавний опыт стран экономического чуда, так и более ранний опыт западных экономик, привести теоретические аргументы в пользу теории стадий и подтвердить ее эконометрическими расчетами.

2. Роль государства в стимулировании экономического роста.

Селективные и неселективные инструменты

Вопрос о роли государства в стимулировании экономического роста является одной из центральных и наиболее дискуссионных проблем и экономической теории, и экономической политики. Доминирующие взгляды менялись, а вместе с ними подвергалась радикальным изменениям и стратегия многих развивающихся стран. В 1950-60-х годах большинство правительств исходило из решающей роли государства в обеспечении эффективного развития. После долговых кризисов 1980-х годов эта концепция была отвергнута странами Латинской Америки и некоторыми странами Азии и Африки и заменена минималистской точкой зрения на роль государства: оно должно было лишь обеспечить права собственности, проводить ответственную монетарную политику, предоставлять некий минимум социальных гарантий и частично финансировать инфраструктуру. Минималистский подход превалировал и при разработке стратегии перехода к рынку в бывших социалистических странах в конце восьмидесятых – начале девяностых годов. А в середине девяностых доминирующие взгляды снова начали меняться. Указывая на эти обстоятельства, Дэни Родрик, профессор Гарвардского университета и известный специалист по теории реформ, писал в 1997 году: «Хорошая новость... состоит не только в том, что маятник начал обратное движение, но и в том, что на этот раз у нас есть хорошие шансы остановиться в некоторой разумной средней позиции, а не продолжать колебания между контрпродуктивными крайностями» (Rodrik, 1997).

Изучены разнообразные примеры ситуаций, когда рыночные силы не могут обеспечить эффективное развитие. Стандартный пример - экстерналии в высокотехнологичных отраслях, вследствие которых отдача на вложения в развитие этих отраслей только отчасти присваивается инвесторами, так что выгоды от таких вложений для всего общества оказываются больше, чем для фирм. Поэтому общество выигрывает от этих вложений даже тогда, когда фирмам их делать невыгодно. Более того, при наличии экстерналий или возрастающей отдачи от масштаба рыночная система может оказаться на траекториях быстрого или медленного роста в зависимости от начальных условий или случайных возмущений. Так, если многие фирмы в стране ведут интенсивные научные разработки, а их результаты дополняют друг друга, экономика быстро развивается, прибыли фирм высоки, и они имеют возможность продолжать исследования, обеспечивающие высокий рост. Если же научные разработки не ведутся, то темпы роста низки, значит, прибыли фирм невелики, а ожидаемая отдача от разработок изолированной фирмы недостаточна для их инициации, что заставляет и дальше откладывать расходы на НИОКР. Переход с траектории медленного роста на более эффективную траекторию требует координации усилий многих экономических агентов, которую конкурентный рынок не обеспечивает.

Наряду с «провалами рынка», имеются столь же многочисленные примеры «провалов государства». Государственное вмешательство часто лишь ухудшает положение вследствие активизации процессов присвоения ренты (лоббирования, коррупции), низкой квалификации чиновников, отсутствия информации для принятия эффективных решений. Опыт стран бывшего «социалистического блока» и многочисленные неудачные попытки регулирования экономики в Африке и Латинской Америке делают позицию радикального дирижизма еще более уязвимой, нежели точку зрения минималистов.

Конструктивный подход к проблеме заключается в том, чтобы, признав наличие «провалов» обоих типов, постараться выявить условия, при которых тот или иной вид государственного вмешательства оказывается эффективным, либо, напротив, неэффективным. В этом и состоит одна из основных задач настоящей работы.

Государственное стимулирование экономического роста часто связывают с так называемой промышленной политикой. Смысл этого термина варьирует от статьи к статье. В работе (Cho et al., 1996) приведены 6 разных определений промышленной политики, используемых разными авторами, включая и наиболее широкое: «усилия правительства по достижению экономического роста». Говоря о промышленной политике, обычно подчеркивают ее селективность. Но различные варианты промышленной политики отличаются по степени селективности: речь может идти о поддержке отдельных предприятий или их групп, выделенных по тому или иному признаку (например, по принадлежности данной отрасли или по численности занятых), а также о поддержке тех или иных сфер хозяйственной деятельности (например, НИОКР). Общеизвестными средствами такой поддержки являются финансовые, кредитные, налоговые и таможенные инструменты. При этом, на наш взгляд, говоря о защите внутреннего производства или о стимулировании экспорта нельзя не принимать во внимание политику накопления золотовалютных резервов и их влияние на реальный валютный курс (Polterovich, Popov, 2002). Управление реальным валютным курсом может существенно снизить потребность в использовании более селективных регуляторов (см. ниже).

Таким образом, фундаментальной характеристикой политики экономического роста является степень ее селективности, либо, иначе говоря, – универсальности (Полтерович, Попов, 2001). На одном полюсе поддержка конкретных отраслей или даже фирм. На другом – универсальные меры, такие как политика валютного курса, вложения в инфраструктуру, организация универсальных банков реконструкции и развития, налоговая политика стимулирования инноваций, поощрение освоения новых технологий путем создания льготных условий их импорта и привлечения иностранных инвестиций.

Селективные меры требуют большей информированности и гораздо более рискованы. Кроме того, они в большей степени, чем многие из универсальных мер, стимулируют присвоение ренты. Чем выше степень неопределенности и ниже качество бюрократии, тем менее эффективна селективная политика.

На практике промышленная политика проводится многими государствами далеко не в соответствии с рекомендациями теории. Избирательная поддержка отдельных отраслей и регионов, конечно, складывается в результате борьбы различных отраслевых, региональных и политических лоббистов, причем конечный результат может и не совпадать с оптимальной стратегией (максимизирующей общественное благосостояние). Показано, что при равной силе конкурирующих лобби и малых издержках лоббирования результат распределения субсидий не отличается от того, который был бы достигнут при полном отсутствии лоббирования (Grossman, Helpman, 1994). Однако, если финансовые возможности лоббирующих группировок различны, то субсидии, налоговые льготы, таможенные пошлины и т. п. могут создавать преференции не тем, кто мог бы использовать их наиболее эффективно, а тем, кто может затратить больше средств на лоббирование, например, представителям высокомонополизированных отраслей.

Таким образом, следует ожидать, что эффективность промышленной политики зависит от характера и значимости экстерналий и от качества институтов, а значит, и от стадии экономического развития экономики.

3. Стимулирование роста и стадии развития

Одна из основных причин того, почему выводы разных авторов, изучающих промышленную политику, столь противоречивы, состоит в рассмотрении проблемы вне исторического контекста. На разных стадиях развития экономики (и в зависимости от институциональной и культурной среды) оказываются эффективными разные инструменты и методы стимулирования роста.

Для наших целей целесообразно различать четыре стадии: **(1) начальную стадию модернизации (индустриализации), (2) стадию инициации экспортно-ориентированного роста, (3) стадию стимулирования ускоренного развития и (4) стадию развитого рынка.**

На начальной стадии индустриализации страна, производящая, в основном, сельскохозяйственную продукцию, начинает промышленное производство предметов потребления. У нее нет своего машиностроения, так что станки и оборудование приобретаются за рубежом. Импорт имеет сильный экстернальный

эффект, способствуя накоплению знаний и навыков, необходимых для создания своей тяжелой промышленности. Активно заимствуются технологии. Импортёры создают отечественные предприятия. Размер предприятий растёт². На этой стадии рациональная политика должна поощрять ввоз инвестиционных товаров и, следовательно, предусматривать низкие тарифы на их импорт, субсидии импортёрам оборудования, высокий уровень заимствований и, возможно, завышенный реальный валютный курс, помогающий импортёрам. Вместе с тем, целесообразно ограничивать импорт конечной промышленной продукции.

Аналогичная ситуация возникает, если страна начинает процесс модернизации после длительного периода отставания, вызванного войной, революцией или затяжным экономическим кризисом, как это было с Южной Кореей в 50-ых годах или с Россией в двадцатых годах прошлого века.

По мере развития собственной современной промышленности все большее число отраслей требуют таможенной защиты. Вместе с тем, через некоторое время импортная экстерналия перестаёт играть существенную роль, а молодое отечественное производство готовых промышленных изделий, даже и защищенное таможенными пошлинами, наталкивается на узость внутреннего рынка, которая тормозит повышение его эффективности и подтягивание стандартов качества к международным. Начинается второй этап. Очередной задачей становится выход на внешний рынок. Фирмы-экспортёры вынуждены конкурировать с производителями передовых стран, а для этого они должны внедрять новые технологии и методы управления, следовать западным стандартам качества, учиться маркетингу. Накопленные экспортёрами знания влияют и на другие сектора производства. Экспортная экстерналия играет важную роль на этом этапе. Стадия инициации роста как, правило, характеризуется слабостью рыночной инфраструктуры, относительно низким уровнем человеческого капитала и технологического

² «Большинство ранних бразильских промышленников были импортёрами, которые на определенной ступени их деятельности обнаружили, что выгоднее производить товары внутри страны, а не импортировать их. ...Например, из 13 текстильных фирм, основанных в 19 веке и просуществовавших до 1917 г., 11 контролировались импортёрами». (Багг, 2001, р. 27). В производстве текстиля из хлопка в Бразилии в 1885 г. было 48 фирм с общим числом рабочих – 3172, а в 1925 г. – 257 фирм с 114 561 работником. (Багг, 2001, р. 26) Средний размер фирмы вырос более чем в 7 раз.

развития. На этой стадии страна может оказаться как в результате естественной эволюции, так и вследствие «экономических катастроф» - войн, революций или длительных, глубоких спадов производства, приводящих к разрушению экономических институтов. Те страны, которым удавалось, преодолев эту стадию, выйти на траекторию быстрого роста, эффективно использовали как селективные, так и неселективные инструменты промышленной политики для поощрения экспорта и ограничения импорта. Среди использованных методов и инструментов – интенсивное развитие государственного сектора, поддержка крупных предприятий, государственные программы технической реконструкции, индикативное планирование, занижение реального валютного курса за счет накопления золотовалютных резервов, кредитные льготы, прямое субсидирование, жесткое регулирование рынка. Эти меры не всегда были успешными, но ни одна быстро растущая развивающаяся экономика не обошлась без некоторых таких мер на стадии инициации роста. Одной из важнейших целей при этом было создание рыночной инфраструктуры и постепенная децентрализация экономики.

Для третьей стадии характерно уменьшение прямого вмешательства государства в экономику, замещение селективных инструментов неселективными, постепенное снижение барьеров на пути импорта и экспорта, поддержка малых предприятий, дерегулирование рынка капитала и упор на привлечение инвестиций.

На стадии развитого рынка большинство инструментов селективной промышленной политики теряют свое значение либо используются лишь в экстраординарных ситуациях. Обычно правительства развитых стран следуют «принципу контрцикличности», усиливая вмешательство на стадии спада и ослабляя его в периоды благоприятной конъюнктуры.

Итак, для обеспечения быстрого роста государство должно следовать весьма сложной стратегии, каждый раз выбирая политику, адекватную стадии развития, и своевременно изменяя ее при переходе от одной стадии к другой. Не удивительно, что лишь немногие страны оказались способны справиться с этой задачей. Большинство либо не смогли вовремя отказаться от политики импортозамещения и чрезмерного дирижизма (СССР, многие латиноамериканские страны, Индия 1950-80-х годов), либо на переломе стадий пытались чрезмерно быстро и прямолинейно

копировать институциональную структуру развитых экономик (страны «черной» Африки в 1980-90-е годы, страны бывшего социалистического лагеря в девяностых). Универсальными препятствиями были рост неравенства и изнурительная борьба за перераспределение общественного пирога.

4. Необходимость своевременного переключения: анализ статистических данных

Основная идея расчетов состоит в вычислении регрессионных соотношений следующего вида:

$$GR=CONST.+CONTR.VAR.+T(A -Y).$$

Здесь GR - среднегодовой темп роста ВВП на душу населения за 1975-1999 г. В правой части кроме константы и контрольных переменных имеется нелинейное слагаемое $T(A -Y)$, где T - переменная политики, Y - характеристика стадии, A - критический уровень. Каждой стране из выборки соответствует свой набор значений этих переменных. Если $Y < A$, то увеличение T положительно влияет на рост данной страны, а если $Y > A$, то - отрицательно. Критический уровень отделяет одну стадию от другой. Статистические данные не позволяют выделить все четыре стадии. Мы ставим перед собой более скромную задачу - показать, что, по крайней мере, для некоторых переменных политики критические уровни существуют.

Вопрос о том, как правильно определить переменные, характеризующие стадии развития и экономическую политику, сложнее, чем кажется на первый взгляд. Агентство [REDACTED] регулярно публикует индекс восприятия коррупции CPI (принимая значения от 1 до 10; чем выше значение, тем ниже уровень коррупции в стране). Этот индекс характеризует качество институтов и, значит, стадию развития. Восприятие коррупции отчасти определяется фундаментальными экономическими характеристиками страны, а частично зависит от принятых правил (в частности, от мер по борьбе с коррупцией, от правил отбора чиновников, и т.п.) и массовой культуры. Фундаментальные переменные мы учитываем непосредственно в регрессии роста. При этом включение индекса коррупции в ту же регрессию приводит к незначимости из-за сильной

коррелированности регрессоров. Для того, чтобы преодолеть эту трудность, мы поступаем следующим образом. Строим регрессию среднего индекса коррупции за 1980-85 гг. на Y_{75} - значение подушевого ВВП в 1975 г. (мы располагаем соответствующими данными для 45 стран). Получаем:

$$CPI = 2.3 + 0.07*Y_{75}, N=45, R^2=59\%, t = 9.68.$$

Затем мы вычисляем остаток - разность между фактическим и прогнозируемым значениями, полагая, что именно эта величина характеризует качество институтов каждой страны. Наконец, мы вычитаем полученный остаток из 10, так чтобы большим значениям получающегося индикатора CR соответствовал более высокий уровень коррупции.

$$CR = 10 - [CPI - (2.3 + 0.07Y_{75})] = 12.3 - CPI + 0.07*Y_{75}, \quad (1)$$

Аналогичным образом, увеличение ΔR золотовалютных резервов в 1975- 99 гг. содержит две составляющих. Первая из них определяется необходимостью реагировать на текущие шоки, чтобы поддерживать стабильный внешнеторговый баланс. Мы выделяем эту составляющую, регрессируя прирост резервов на логарифм начального подушевого ВВП, среднее отношение объема внешней торговли к ВВП Tr/Y и на увеличение этого отношения за период $\Delta[Tr/Y]$. Получаем:

$$\Delta R = 38 - 11.4 \lg Y + 0.1(Tr/Y) + 0.24(\Delta[Tr/Y]), R^2=34\%, N=82. \quad (2)$$

Все коэффициенты значимы на уровне 1% . Далее мы берем разность фактических значений прироста резервов и значений, вычисленных из (2), определяя тем самым вторую составляющую прироста резервов ΔR_{pol} , предназначенную для стимулирования экономического роста путем занижения реального валютного курса. Эту переменную, видимо, можно считать экзогенной.

Используя полученные характеристики политики, мы получаем ряд регрессионных соотношений, объясняющие средний за период темп роста GR душевого ВВП. Приведем два из них. Первая регрессия имеет вид

$$GR=CONST.+CONTR.VAR.+Tincr.(0.06 - 0.0004Y_{75} - 0.004CR - 0.0005T), \quad (3)$$

причем $R^2=40\%$, $N=39$, все коэффициенты, кроме последнего, значимы на 5% уровне; при исключении последнего члена остальные коэффициенты меняются мало, и их значимость сохраняется.

Здесь T – средний импортный тариф в процентах от импорта за 1975-99 гг., T_{incr} – показатель, характеризующий прирост среднего импортного тарифа (отношение среднего тарифа в 1980-99 гг. к уровню этого показателя в 1971-80 гг. в процентах).

В соответствии с (3) прирост тарифов способствовал росту для стран с относительно низким душевым ВВП и невысоким уровнем коррупции (Египет и Венгрия относятся к их числу). Развитым странам увеличение тарифов не было нужно, не приносило оно выгод и сильно коррумпированным экономикам, поскольку в них уровни тарифов выбирались чиновниками, вовсе не руководствовавшимися желанием ускорить рост.

Второе уравнение объясняет влияние на рост не только тарифов, но и накопления резервов.

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + T(0.06 - 0.0057Y_{75}) + \Delta R_{pol}(0.11 - 0.0013Y_{75}), \quad (4)$$

$N=37$, $R^2=46\%$, все коэффициенты значимы на уровне 9%.

Согласно (4), для стран с очень высоким ВВП на душу и тарифы, и накопление резервов оказывали негативное влияние на рост. Для большинства стран накопление резервов влияло положительно, а тарифы – отрицательно. В этом уравнении набор контрольных переменных отличается от набора, использованного в уравнении (3); в него входят, в частности, показатель коррупции CR и характеристика бюджетных расходов.

Таким образом, гипотеза о существовании порогов находит подтверждение. Впрочем, для ее более тщательной проверки нужны дополнительные расчеты на большем массиве данных.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что инструменты и методы промышленной политики должны быть адекватны стадии развития экономики. Селективные инструменты больше подходят для стадии инициации роста. Стимулирование роста на третьей стадии должно, главным образом, опираться на неселективные инструменты. Однако на всех четырех стадиях сотрудничество государства и частного сектора и поддержка общества являются неперенными предпосылками успешной стратегии. В соответствии с этим, государство должно стремиться делить риск стимулирования роста с частным сектором, вовлекая его в сотрудничество. Развитию институтов,

поддерживающих это сотрудничество, должно быть уделено особое внимание. Далее, эффективная стратегия должна быть гибкой и предусматривать своевременное изменение как целей стимулирования, так и средств их достижения.

Россия еще не выполнила задачи второй стадии и уже пытается проводить экономическую политику, характерную для третьей и четвертой стадий. Для достижения высоких темпов экономического роста российской экономике особенно необходимы скоординированные усилия государства и частного сектора. Мы полагаем, что в нашем случае дело не сводится к совместному участию в отдельных проектах, создании фондов развития, и т. п. Речь идет о масштабных программах перевооружения старых и создании новых отраслей. Для решения таких задач необходима современная версия индикативного планирования, базирующаяся на взаимодействии правительства с отраслевыми ассоциациями бизнеса.

Литература

Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов. Экономическая наука современной России, 2001, No. 3 .

Попов, В. (1998). Сильные институты важнее скорости реформ. – *Вопросы экономики*, №.8, 1998г, с. 56-70.

Acemoglu, Daron, Philippe Aghion, and Fabrizio Zilibotti (2002a). Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. June 25, 2002
(http://post.economics.harvard.edu/faculty/aghion/papers/Distance_to_Frontier.pdf)

Acemoglu, Daron, Philippe Aghion and Fabrizio Zilibotti (2002b) Vertical Integration and Distance to Frontier. August 2002.
(http://post.economics.harvard.edu/faculty/aghion/papers/vertical_integration.pdf)

Baer, W. (2001). The Brazilian Economy. Growth and Development. Westport, Connecticut, London.

Berkowitz, D., Pistor K., Richard J.-F. (1999). Economic Development, Legality, and the Transplant Effect. Preprint, November.

Blanchard, O. (1997). *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford: Clarendon Press.

Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder*. Cambridge University Press.

Cho D.-S., Lee D.-H., Ryu S.-F., Cho D.-W., and Kim D.-J. (1996). A Comparative Study of Korean and Japanese Industrial Policies Through Content Analysis of Official Documents. *Hitotsubashi Journal of Commerce and Management*. V.31, 59-74.

Grossman G.M., and E.Helpman. (1994). Protection for Sale. *The American Economic Review*, September, 833 – 850.

Polterovich, Victor, V. Popov (2002). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. Paper presented at 10th NES Anniversary conference. Moscow, December 2002.

<http://www.nes.ru/english/about/10th-Anniversary/papers-pdf/Popov-Polterovich.pdf>

Rodriguez, Francisco and Dani Rodrik (1999). TRADE AND ECONOMIC GROWTH: A Skeptic's Guide to the Cross-National Evidence. CEPR Discussion Paper No.2143.

Rodrik, Dani (1986). Disequilibrium Exchange Rates as Industrialization Policy. – *Journal of Development Economics*, 23, 1986, pp. 86-106.

Rodrik, Dani (1995), Understanding Economic Policy Reform. – *Journal of Economic Literature*, 1995, Vol. 34, 9-41.

Rodrik D. (1997). The “paradoxes” of the successful state. *European Economic Review*, v.41, 1997, 411-442.

Rodrik, Dani (2003). Growth Strategies. Working draft for eventual publication in the *Handbook of Economic Growth*. April 2003

(<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/growthstrat10.pdf>)